

Наука
и техникаИван КУНИЦЫН,
Алексей НИКОЛАЕВВО СЛАВУ ЧЕГО
ВАВИЛОНСКАЯ
БАШНЯ?

«Главному не страшно и с ума сойти».

В. Даль. Пословицы русского народа

— Ну что же, если вам так хочется испортить себе настроение, тогда поехали. — сказал нам завбюро пропаганды художественной литературы Красноярской писательской организации Павел Полуян. Он без особого желания согласился сопровождать нас в поездке по наиболее экологически неблагоприятным районам города. — Только Нахаловку оставим под конец. Меня предупредили, что туда на черной «Волге» лучше не соваться. Пока успеете объяснить, что вы журналисты из Москвы, уже может конфликт произойти. Там чуть не на каждый квадратный метр прописано по человеку. А хибарки-то лепились из чего попало еще во время войны. Скученность, антисанитария, грязь на улицах. А вокруг заводы дымят. И так — всю жизнь, никаких перспектив. Как не озлобиться? Их детей в школы других районов не хотят принимать. Говорят: больные и хулиганы, зачем они нам?

В справедливости его слов нам еще предстояло убедиться. А пока решили начать с другого поселка, носящего не очень-то жилое название — Индустриальный.

Насчет настроения Павел оказался прав. «Обычным» красноярским воздухом, который в этот безветренный день можно было, казалось, нарезать сизыми кусками и распылять по карманам, мы надышались уже в жидом районе «Зеленая роща». Миновали его по проспекту, широкому, прямому и длинному, но не просматриваемому и на несколько сот метров вперед. Однообразные серые блочные дома, и, кроме названия, ничего зеленого. На проспект этот, как в полноводную реку, стекались из притоков-улочек разнообразных, но отнюдь не по-парфюмерному пахнущие выбросы близлежащих заводов. Вспомнились слова главного санитарного врача одного небольшого, но очень промышленного города. Он не без профессиональной гордости, но как-то грустно делился своими секретами: «Я утром открою форточку, потяну носом и по запахам уже определяю, какой завод сегодня больше других «шалит», но сколько раз превысил предельно допустимые концентрации вредных веществ».

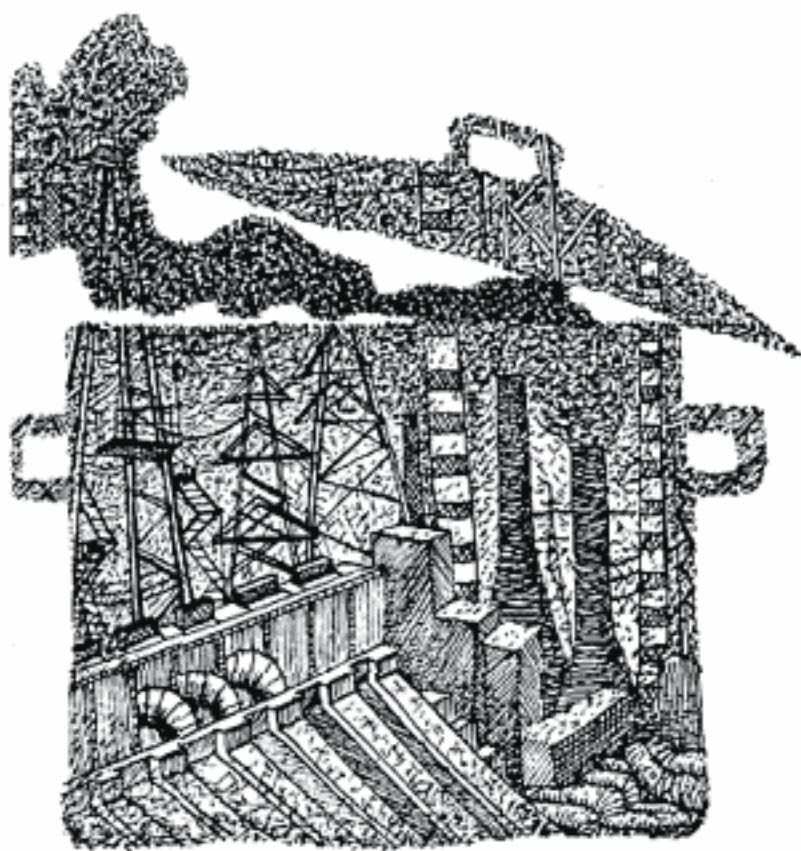
Третья часть жителей Красноярска живет в так называемых санитарных зонах предприятий, то есть в местах, где по всем санитарным нормам селить людей недопустимо. Однако «Зеленую рощу» можно все-таки отнести к относительно благополучному месту обитания по сравнению с тем, что ждало нас впереди.

Как муравей в только что отбушевавшем пожаре лесу, ползла в дыму наша машина вдоль Красноярского алюминийного завода (КРАЗа). Лес угрюмо чающих труб.

— Сколько же их здесь?! — сказал наш водитель, кивнув на серо-буро-желтоватые лениво колышущиеся султаны. И угрюмо пошутил: — Десятка три, по-моему, даже лишних.

Показалось, что через жерла множества разнокалиберных труб какая-то безумная сила, как через мясорубку, вылакивала в небо протухший фарш. Запах фтора мы теперь ни с чем не спутаем. Бледное пятно в мглыстой вышине подсказывало, что за пределами города сегодня солнечный день. Заводской воздух просачивался через щели закрытых окон и дверей внутрь автомобиля и сгустился в ядовитую атмосферу.

— И что наши кинематографисты тратят столько средств на создание природы для фантастических фильмов? Сюда их надо. Хочешь — конец света снимай, хочешь — «зону» для «Сталкера» или газовую камеру...

Всесоюзная независимая экологическая комплексная экспедиция «Юности» завершила свою работу в Красноярском крае. В этом регионе ее участниками были:

Виктор АСТАФЬЕВ — писатель;

Юрий БЕНДЕРСКИЙ — заведующий отделом Института экономики СО АН СССР, кандидат экономических наук;

Александр БОЛСУНОВСКИЙ — председатель Совета молодых ученых Красноярского крайкома ВЛКСМ, кандидат физико-математических наук;

Дмитрий ВЛАДЫШЕВСКИЙ — ведущий научный сотрудник Института леса и древесины СО АН СССР, доктор биологических наук, профессор;

Сергей ЗАДЕРЕЕВ — ответственный секретарь альманаха «Енисей» Красноярской писательской организации;

Виталий ЗНАМЕНСКИЙ — научный консультант Енисейского бассейнового территориального управления по регулированию, использованию и охране вод, заслуженный мелниоратор РСФСР;

Алигет НЕМТУШКИН — писатель;

Владимир КУЗНЕЦОВ — режиссер Красноярского творческого объединения Свердловской киностудии;

Сергей КУРКАТОВ — главный санитарный врач Красноярского края;

Всеволод МАРЬЯН — редактор отдела науки журнала «Юность», руководитель экспедиции;

Отец Сергей ТИМОНОВ — благочинный церкви Красноярского края, протонерей;

Отец Геннадий ФАСТ — настоятель Успенской церкви г. Енисейска, протонерей.

Рисунок Ирины Шолоховской

— Поставь вон там пару чучел динозавров и древовидный хвост, птеродактиля и подвешивать не надо, просто положи на воздух, и пожалуйста — Земля в парниковый период...

— А сейчас за угол последнего цеха свернем, — обещает Павел, — и увидите декорацию поселка в прифронтовой зоне: дым, воронки, пустота, потрескавшиеся дома, слесенные стекла...

Вот он, в пятистах метрах от последнего цеха КРАЗ, укрытый всеми дымами завода поселок Индустриальный. В этих «военных декорациях» живут люди. 1039 семей, около четырех тысяч человек.

Прохожих мало. Но, увидев в наших руках блокноты, люди подходят сами.

Иван Матвеевич Орехов живет в поселке со времени его основания в 1955 году. Сначала здесь строились только бараки, с 1962 года — двухэтажные дома. Было обещано, что люди проживут тут только 10 лет, пока не будет построен и пущен на полную мощность завод. КРАЗ уже изнашивается, а во «временном» Индустриальном все еще живут.

— Все разваливается... Зимой надо спать под двумя-тремя одеялами. Трубы лопаются. В квартире бывает до 20 градусов холода. Дети болеют. Всего один магазин. Нет бани. Голова и грудь болят постоянно...

— Помогите нам выбраться отсюда! — Валентина Павловна Иконникова, тоже старожил поселка, волнуется так, что с трудом говорит, берет то одного, то другого из нас за руки, смотрит с мольбой и надеждой. — Мы задыхаемся! Все, кто тут живет хоть несколько лет, тяжело больны. Моему мужу сорок лет, а ему уже отказывают ноги, работать не может. Полиартрит! И у меня, и у детей. В соседних деревнях Коркино и Песчанка вы не увидите скота. Коровы падали и уже не могли подняться на подломившиеся ноги. Это фтор! Он накапливается в организме. Посмотрите на наши окна и на стекла в цехах. Ставят прозрачные, а через два года они уже коричневые, свет не проникает, потом они вдруг трескаются и осыпаются. Дети больны постоянно. Один наш парень в 18 лет уходил в армию, так у него не было ни одного зуба: все выпали. У некоторых детей зубы никак не могут вырасти — появляются и крошатся. А сколько раковых и кожных заболеваний...

— Вокруг нас колхозные поля, — Людмила Борисовна Большакова обводит рукой сизую мелу за домами. — Представляете, что там вырастает? Бросаешь капусту в щи, а она желтеет, есть невозможно: тухнет. А какая вода у нас? Ржавая, песок из крана сыплется. В прошлом году закрыли детский сад. Обнаружили дизентерийную палочку. Санэпидстанция открывать его запрещала. Таскали детей с собой на работу. Так ведь такая же вода и в домах. За детьми разве уследишь? Пили сырую воду. В поселке сейчас 700 детей. Разве они могут вырасти здоровыми?

Женщины принесли пухлую папку, где лежали их запросы, ответы им, отписки и невыполненные обещания, а точнее — равнодушие и обман. Дважды ходили уже были в Москве. Удалось выяснить, что КРАЗу с 1970 по 1984 год Минцветметом было выделено 24,5 миллиона рублей на переселение Индустриального. Куда делись эти деньги, если смогли дать жилье только тем, кто промучился десятки лет в деревянных бараках? Гигантский завод разрастается, а жители Индустриального, которым «посчастливилось» в свое время поселиться в кирпичные двухэтажки, так, видимо, и задохнутся на своих квадратных метрах: очерединков и в других районах много. Кстати, в этой папке есть документы, подтверждающие, что даже из тех немногочисленных квартир, которые выделены были жителям поселка в новых домах города, некоторые ушли «налево» неизвестно кому.

Люди из Индустриального борются за выживание в буквальном смысле (49 лет — средняя продолжительность жизни мужчин, разве это не экологический и социальный коллапс?). Но почему в одиночку? Или густые испарения КРАЗа навечно уже скрыли эту язву от глаз городского и красного начальства?

Скрипит, перенапрягается, пробуксовывает, но никак не может сбавить обороты изношенный механизм нашей устаревшей, большой экономики. Цель производства — тонны, кубометры, единицы с множеством нулей. Нули ради нулей... К ним обращены взоры наших министерств, а не к человеческим жизням и судьбам, которые затягиваются в эти победные показатели, как в «черные дыры», и исчезают в них, не нарушая их стройного ряда.

Сергей Куркатов — главный санитарный врач Красноярского края. В отличие от некоторых своих коллег из других регионов, где проводила работу экспедиция «Юности», он не

пытается убедить нас в том, что «несмотря на отдельные недостатки, в целом положение нормальное».

Проблем — очень тяжелых — множество. Не хватает научных разработок, методик, штатов, оборудования, а главное — реальных прав. Не существует еще в нашей стране эффективного механизма, противостоящего промышленному тоталитаризму, способного ощутимо образумить хозяйственников, губящих природу и людей. Да что там говорить — даже санитарного законодательства до сих пор нет.

Корр.: Сергей, часто ли возникает, по мнению СЭС, необходимость остановить какое-либо крупное грязное и опасное для здоровья людей производство?

Куркатов: Конечно.

Корр.: А удавалось?

Куркатов: Нет, крупных заводов, насколько помню, мы не останавливали.

Корр.: Вот в прошлом году на КРАЗ и еще ряд заводов в прокуратуре края заводились следственные дела, связанные с нарушением природоохранных и санитарных норм. Чем это кончилось?

Куркатов: Ну чем обычно эти дела заканчиваются? Посылают в адрес СЭС извещение о том, что министерству или заводу сделано официальное предупреждение о недопустимости подобных действий.

Корр.: И все?

Куркатов: Можем еще оштрафовать директора.

Корр.: На 10 рублей?

Куркатов: По последнему постановлению — на 20...

Кого можно вразумить таким штрафом? Нелепость подобного воздействия на совесть руководителей предприятий санитарные врачи нередко разнообразят юмором — выписывают штраф в... 1—3 рубля. Просто чтобы позлить нерадивого, а чаще в общем-то и невиноватого (из-за полной зависимости от вынуждающего его к нарушениям министерства) хозяйственника: тебе на штраф наплевать, но ты изволь все-таки сходить в бухгалтерию, распишись, получи квитанцию на рубль и выходи со мной. И ведь из таких крох ежедневно по краю собирается и передается в бюджет до 6 тысяч рублей. Это сколько же раз надо «принять меру», чтобы получилась столь «значительная» сумма? Один штрафуют, другие платят, а результат от этих игр только один: ситуация становится все более критической.

— Я считаю, — без особого оптимизма говорит Сергей, — что нужно не только усиливать контроль, но в первую очередь добиваться реализации существующих предложений и запланированных мероприятий по охране природы и здоровья населения. В прошлой пятiletке был достигнут «прогресс» в этом деле. Планы таких мероприятий выполнены аж на 43—50 процентов, а они ведь перекечывают из одного плана в другой, устаревают, теряют эффективность. Невыполнение природоохранных мер становится привычным и безопасным для руководителей. Даже те отнюдь не достаточные средства, которые выделяются предприятиям на эти цели, осваиваются в нашем крае на 60—70 процентов, а часто и меньше.

И это при том, что концентрации вредных веществ в стоках только алюминиевого и металлургического заводов превышают допустимые нормы в 150 раз! Степень очистки воздушных выбросов в Красноярске всего 18 процентов! По краю из 16 тысяч источников загрязнения воздуха устанавливаемыми установками (относительно неэффективными) оснащены лишь 9 тысяч! Из почти миллиарда кубометров промышленных и ливневых стоков, «даруемых» ежегодно Енисею, только одну пятую часть можно признать чистой!

Стоит ли удивляться, что в крае неуклонно растет заболеваемость верхних дыхательных путей, бронхиальной астмой, аллергиями, нарушениями сердечно-сосудистой системы! Цирроз печени обнаруживается даже у таежных животных. Сток воды из водохранилищ суперГЭС приводит зимой к образованию гигантских — до 130 километров — незамерзающих полынней. Красноярск стоит на такой полынне, всю зиму укутанный влажными испарениями, с обледеневшими мостами и прибрежными зданиями. А летом сбросная вода, наоборот, не прогревается. Все это «подарило» населению так называемые климатозависимые болезни. Десятикратные превышения в воде и в воздухе допустимых концентраций страшного канцерогена — бензо(пирена) уже на треть, по сравнению с общесоюзным уровнем, увеличили количество раковых заболеваний.

— Влияние канцерогенов здесь еще не изучено, — разво-

дит руками главный санитарный врач края. — Практически СЭС с ними не работает. В этом году обещали разработать и прислать методику выявления последствий поражения иму воды, воздуха и человеческого организма. Но пока мало уверенности, что мы сможем запустить лабораторию по исследованию канцерогенов. Для этого необходимо специфическое оборудование, которого у нас нет, такие работы очень трудоемки.

Итак, научная мысль всех развитых стран мира бьется над снижением количества случаев онкологических заболеваний, коль скоро нет еще надежных методов лечения рака. А в крае, на фоне полной безоружности по части оборудования и научных разработок, идет безнаказанное накачивание природной среды и организмов канцерогенами.

Что значит «предельно допустимая концентрация» (ПДК) — объяснять современному читателю, надеемся, не надо. Можно спорить, насколько реалистично ведомства определяют предельное количество тех или иных вредных веществ в стоках и выбросах, но ясно одно: за установленной гранью — болезни и смерть.

А теперь обратимся к исследованию, проведенному в Красноярском крае НИИ онкологии Томского научного центра АМН СССР.

Кратность превышения ПДК бензопирена: в стоках машиностроительного завода Красноярск — 22 раза; Бородинского угольного разреза в г. Ирма — 20 раз; Назаровского угольного разреза — 13 раз; пруда-отстойника КРАЗа и металлургического завода — 150 раз; шинного завода — 18 раз; в воде р. Енисей ниже Красноярска — 30 раз... Несколько страниц таких страшных цифр! А что стоит, например, за этими данными: «Стоки электростанции машиностроительного завода с содержанием бензопирена на уровне 21 ПДК сбрасываются в Енисей в том месте, где осуществляется водозабор для... водоснабжения города». Красноярцы пьют водичку с 10 ПДК посланцев рака, а жители Сосновоборска — с 30 ПДК.

И еще: «Наличие канцерогенов требует использования нестандартных методов очистки путем озонирования воды». А вот на это, простите, денег нет. Многомиллиардные «проекты века» финансировать можем, а раскошелиться на здоровье — жалковато, как на пустяковое дело.

Мир напуган планетарным разгулом СПИДа, передающегося половым путем. Но почему же мы до сих пор стыдливо умалчиваем о промышленном СПИДе, поразившем в нашей стране не несколько десятков человек, а миллионы?

Куркутов: Мы читали о публикациях (думаем, это не оговорка. — Ред.) исследований по снижению иммунного статуса людей в результате промышленных загрязнений. Но в Красноярском крае подобные работы еще не проводились. Недавно только мы получили методику из Минздрава...

От себя сообщим читателям, что даже небольшое исследование влияния на людей смога в перенасыщенных предприятиями городах установило, что он отнимает до 60 процентов необходимых для жизнедеятельности организма ультрафиолетовых солнечных лучей. Сдвин такой фактор уже наносит сокрушительный удар по иммунитету. Но смог — это всего лишь «крышка», накрывающая город, как кастрюля. Надеемся, что из объективных исследований скоро узнаем, в чем же мы на самом деле под ней варимся.

Пока же по-прежнему остается уповать на то, что фундаментальная наука наконец повернется лицом к человеку, выдаст разработки принципиально новых технологий, охранит наше здоровье или хотя бы научит лечиться. Что всесомненная наука начнет служить истине, а не начальству, откажется от обоснования затеянного губительных решений, будет, наконец, проводить экспертизы не утвержденных уже, оплаченных и реализуемых проектов, а идей. Лишь после всеобъемлющей научной экспертизы именно идея должна наступать стадия проектирования. Только в том случае, если наука докажет незначительную выгоду того или иного замысла, а его высокую долгосрочную эффективность при полной безопасности для природы и для нас с вами. В данном случае от перестановки мест слогасных — сначала не проект, а экспертиза идеи — сумма изменится к корню: она перестанет быть со знаком минус.

Но все это пока прогнозы и надежды на будущее. А реальность — вот она, в пугающей близости. Из «Предложений по неотложным мероприятиям...» начальника штаба гражданской обороны Красноярского края: «В крае имеется более пятидесяти химически опасных объектов, где используется в производстве и хранится 60 тысяч тонн сильнодействующих

ядовитых веществ... Из-за отсутствия базисных складов 872 тонны хлора сосредоточено на водозаборных и очистных сооружениях, что во много раз превышает потребность в нем... Имели место производственные аварии на химически опасных объектах с выбросами ядовитых веществ. Основной причиной этому являются устаревшие технологические процессы и изношенное оборудование... В зонах возможного поражения сильнодействующими ядовитыми веществами проживает 1,8 миллиона человек, или 51 процент населения края».

Такая вот информация для красноярцев и для всех нас. Вот только как узнать, в какие проценты каждый из нас попадет: возможно поразили или нет?

А что же контролирующие органы, как и чем они-то сегодня озабочены?

Енисейское Бассейновое территориальное управление по регулированию, использованию и охране вод имеет большой опыт борьбы с предприятиями промышленных министерств. Кроме одного, которому подчиняется, — Минводхоза, печально известного лидера авантюрного, разрушительного расточительства.

Контроль Енисейского управления оснащен, может быть, лучше, чем какого-либо другого подобного по стране. Здесь энтузиастами создана автоматизированная система, кстати, до сих пор не получившая признания в Минводхозе, несмотря на то, что была награждена двумя серебряными и двумя бронзовыми медалями на ВДНХ.

Автор ее больше двадцати лет проработал в Бассейновом управлении, был его начальником. Много «шишек» получил от своего министерства Виталий Александрович Знаменский, но так и остался борцом за чистоту Енисея и его притоков.

Знаменский: С помощью нашей автоматизированной системы контроля удалось высчитать реальный ущерб, наносимый предприятиями края водным ресурсам. Получилось 250 миллионов рублей в год. (По подсчетам красноярских ученых общий ущерб от всех видов загрязнений составляет в городе по меньшей мере 900 миллионов рублей ежегодно.) Эта цифра дает возможность оценить размеры капиталовложений, необходимых для того, чтобы довести сбросы вредных веществ в воду до установленных норм. Примерно миллиард рублей. Учитывая, что за пятилетку для реализации мероприятий по охране вод удастся освоить лишь 250 миллионов, значит, для того, чтобы привести все эти загрязнения в соответствие с требованиями, понадобится двадцать лет.

Корр.: Но ведь мы не можем ждать столько. Кроме того, надо учитывать износ оборудования, что увеличивает количество вредных сбросов, да и строительство новых загрязняющих мощностей, которые добавят загрязнений.

Знаменский: Правильно. Значит, речь должна идти об ориентации не на очистку сточных вод, а на то, чтобы стоков вообще не образовывалось. И все расчеты показывают, что переход на ресурсосберегающие технологии оказывается значительно дешевле, чем строительство очистных. Но по старинке предпочитают вкладывать деньги в очистные сооружения, затягивать их строительство, заранее предусматривать в сметах отчисления на возмещение ущерба. Все это тормозит развитие прогрессивных технологий.

Корр.: То есть по-прежнему министерствам и предприятиям проще платить штрафы, перекладывая таким образом деньги из одного государственного кармана в другой, чем сохранять природную среду?

Знаменский: Конечно, ведь они платят не за счет сокращения собственных потребностей, а за счет общества.

Корр.: Что же необходимо сделать, чтобы стало невыгодно губить природу?

Знаменский: Единственное рациональное решение — увеличить плату за ресурсы. Сейчас все предприятия края, осуществляющие забор воды, платят за нее около 6 миллионов рублей (при 250 миллионах наносимого ущерба). Мизерная доля. Значит, надо ввести плату в таком размере, чтобы неоправданное, расточительное потребление стало невыгодным. Кроме того, как известно, предприятия сбрасывают такие сверхвысокие концентрации отравляющих веществ, что на их разбавление до приемлемого уровня требуется подчас весь запас реки. Эти миллионы кубометров воды, ушедшие на разбавление стоков, также должны быть оплачены предприятиями, как использованные. Только в таком случае перерасходовать воду и отравлять ее станет невыгодно.

Появился у нас в Красноярске первый положительный пример разумного водопользования — объединение «Химво-

локию». Раньше оно было одним из основных загрязнителей. Сколько мы с ним боролись... А потом руководство смогло добиться в общем-то элементарного: соблюдения технологии и производственной дисциплины.

Сброс у них стал минимальным и чистым, объединение вышло на первое место в стране по наименьшему расходу сырья на единицу продукции. И ведь это им не стоило ни копейки. Вот какая экономия от правильной организации труда и стимулирования соблюдения технологии!

Утверждаю, что треть отравляющих веществ, поступающих в реки края от 200 предприятий-загрязнителей, — результат нашей расхлябанности и безнаказанности, неумения и нежелания работать. А что такое треть? Это 80 миллионов рублей ежегодно причиняемого ущерба.

Корр.: Часто ли министерствам удается ввести в эксплуатацию объекты без очистных сооружений, несмотря на отказ Бассейнового управления ставить подпись под актом приемки?

Знаменский: Бывает и такое. Маргаритовый завод, золотавал в Абакане, аэропорт в Красноярске... — Виталий Александрович вздыхает и приглаживает свои седые волосы. — Они ведь умудряются и через нашу голову действовать, давят, обманывают, ставят перед свершившимся фактом. Любой ценой... Умеют демагогию применять — все план, план, сроки... Как правило, местные Советы очень редко настаивают на вводе в строй незаконченных объектов, потому что им же потом их эксплуатировать. Другое дело партийные органы: им отчитываться. Отчаянную борьбу приходится иногда выдерживать...

Бывал ли кто-нибудь из наших читателей на Ниагарском водопаде? Членам экспедиции «Юности», к сожалению, не довелось. Зато нам представилась возможность посмотреть на два Ниагарских водопада, соединенных вместе, но... рукотворных. Примерно такие эпитеты использовали в свое время газеты, журналы, радио и телевидение, рекламируя масштабы Красноярской ГЭС.

Только ведь Природа играючи сотворила исполненные прелестью на некоторых своих реках, ничуть не повредив себе. Такие водопады оглушают, потрясают, заставляют почувствовать нашу мизерность и беззащитность перед невиданной мощью Матери-Природы, но и одаривают удивительной красотой, рожают ощущение гармонии. Сталкиваются в грохоте природные начала: вода, земля, небо, растительность, а будто ласкают друг друга. Красота не бывает бесполезной.

Работник Красноярской ГЭС, сопровождавший по плотине, стремясь вдохновить нас ощущением необузданной мощи человеческой цивилизации, с привычным восторгом возведя руки к бетонному чуду, убеждал: «Красота-то какая...» Что ж, о вкусах не спорим. Но вот о том, что эта, как и другие гигантские ГЭС, не только бесполезна, но и крайне вредна для природы и для нас с вами, поспорить беремся.

Красноярский край располагает самыми крупными в стране энергетическими ресурсами. Думала ли природа, щедро наделив эту территорию водными и иными богатствами, что подписывает ей приговор? Вот уж где гигантомамы из Минэнерго порезались вдоволь. Все здесь самое большое, самое мощное, самое высокое... И самое удручающее. Конвейер по возведению плотин трудился тут без устали. Налепили столько ГЭС, что их удельный вес в энергопроизводстве Сибири достиг 57 процентов. Специалисты знают, что это недопустимо большая доля по отношению к тепловым станциям. Энергосистеме залихорадило. И каждый ее спазм — это миллионы, а то и миллиарды убытков. В неэкономичном режиме работы оказались и ГЭС, и ТЭС. В летнее время, при высоком паводке, все тепловые станции работают на техническом минимуме: нагрузку несут ГЭС. Это означает, что основные производственные фонды ТЭС используются в это время неэффективно, станции выдают ничтожную часть своего потенциала, а персонал получает зарплату сполна. Но главный парадокс заключается в том, что суммарная мощность ГЭС используется только наполовину и зимой, и летом!

И тем не менее Минэнерго обещает нам к 2005 году построить еще около сотни гидроэлектростанций. Из них: гигантские — Богучанскую и Средне-Енисейскую, а также самую крупную в мире (!) Туруханскую ГЭС — опять же в Красноярском крае.

К чему же хотят привести нас «мечтатели» из Минэнерго? Вот только некоторые пагубные последствия разнузданного гидростроительства: в заветшую воду водохранилищ канули

уже 165 городов и 2690 сел. Безвозвратно утерян целый континент отечественной истории, ведь российская цивилизация вытеснила в основном вдоль рек. Мы отняли у себя самые плодородные пойменные земли, по площади почти равняющиеся территории Франции. А сколько подтоплено и тем самым тоже вычеркнуто из оборота? Стоит ли удивляться, что импорт зерна за последние 20 лет возрос в 220 раз и обходится стране в 5 миллиардов рублей ежегодно? Польша, Болгария, Венгрия, Югославия кормят и не могут нас прокормить овощами и фруктами, которые мы раньше с избытком получали из пойм своих рек. Выключенные из народного хозяйства, эти земли приносят стране убыток 60 миллиардов рублей ежегодно!

И вдруг оказывается, что разница между потенциальными мощностями энергообъектов и реально потребляемым количеством энергии составляет у нас 35 миллионов кВт. Чтобы была понятна величина этой потери, представьте, что на Волге и Каме действует не по одному каскаду электростанций, как сейчас, а по три с половиной, и все — ахолостую.

Пятая часть производимой в стране электроэнергии теряется из-за несовершенства технологии и техники передачи на большие расстояния. Значит, десяток станций, равных Саяно-Шушенской, не дают ни одного киловатта. Убыток — 2 миллиарда рублей ежегодно.

Сколько красноярские писатели не создали художественных произведений, тратя время на борьбу против гидроэнергетиков и «испытателей» природы? В какую статью ущерба отнести еще и эти потери? Обо всем этом мы беседовали с ответственным секретарем альманаха «Енисей» Сергеем Задеревым. Он автор сценария фильма «Плотина», первой, до боли искренней ленты, в которой Сергей и режиссер фильма Владимир Кузнецов за цифрами материальных потерь заставили увидеть бездонные нравственные провалы, образовавшиеся в нашей общей совести в результате бездумного надругательства над историей и культурой народа, окружающей нас природой.

Задерев: «Одичали мы, что ли?» — говорят в народе, глядя на все творимое над природой. И как бы ни противилось в нас все естество человеческое, невольно думаешь: деградация природы не есть ли следствие деградации души нашей? Как не согласиться с философом И. Фроловым, сказавшим: «Мы умираем по крайней мере отчасти потому, что наше дальнейшее существование для природы не имеет смысла».

Практика и история развития мировой энергетики, — продолжает Сергей, — показали, что ее рациональная деятельность должна держаться на пяти китах: соблюдение экологической безопасности при создании, эксплуатации установок, максимальное приближение источников энергии к потребителям, постоянное снижение затрат на единицу вырабатываемой продукции и недопущение разрыва между потенциальными мощностями действующих станций и реальным выходом энергии. Все эти пять принципов у нас не соблюдаются. Они заменены одним — затратным: как можно больше установок огромной единичной мощности, а сколько при этом убивается продуктивной земли — это мало кого интересует, она ведь у нас, считается, ничего не стоит. Одно сравнение: авария в Чернобыле, уничтожив 30-километровую зону, вывела из строя 3 тысячи квадратных километров земель. Красноярская ГЭС, которую энергетики с пафосом называют одной из самых экономичных и экологически чистых, вывела из строя примерно такую же площадь, а со склонами гор — большую. И вывела не на какое-то определенное время, а навсегда...

В случае разрушения плотин Красноярской, Саяно-Шушенской и Братской ГЭС в зоне затопления окажется около десятка городов, около двухсот населенных пунктов. Здесь проживает 1 миллион 325 тысяч человек, или 30 процентов населения края. Однако в ходе строительства ГЭС не созданы системы централизованного оповещения населения об угрозе катастрофического затопления. Не разработаны градостроительные мероприятия по уменьшению ущерба от такого затопления и для организованного выхода населения города Красноярска из незащитаемых территорий.

Еще одна «услуга» гидростроителей: Красноярская ГЭС стоит вблизи города... выше по течению. За сколько же минут жители смогут «организованно выйти из незащитаемых территорий», когда пойдет стена воды? Или в наш безнадежный век гидроэлектростанции являются единственно без-

опасными творениями рук человеческих, не подверженным катаклизмам, войнам и непредвиденным обстоятельствам?

И вот над природой края нависла новая беда: разработан проект строительства супергигантской Туруханской ГЭС в устье реки Нижняя Тунгуска, на территории Эвенкии. С плотинной небывалой в мире высоты — 200 метров! По различным оценкам, водохранилище будет от 500 до 1200 километров длиной. Стоимость строительства, с учетом сроков и повышения цен — до 11 миллиардов рублей. И это — под Полярным кругом, где экологические системы особенно ранимы. Но гидроэнергетики подготовились к затяжному бою за реализацию своего проекта, убеждая нас, что без Туруханской ГЭС ну никак не обойтись нашей державе. Планируется энергию станции подавать на Урал, то есть за тысячу километров от затопленной Эвенкии. Это при наших-то потерях во время передачи энергии на большие расстояния. При том, что к строительной площадке нет подъездных дорог, что придется свернуть все другие строительства в крае из-за недостатка мощностей, при том, что непредсказуемо начнет меняться климат и природная среда огромного региона. Следующий свой фильм уже упомянутый нами режиссер Красноярского творческого объединения Свердловской киностудии Владимир Кузнецов будет снимать о Туруханской ГЭС, о борьбе, которая ведется за и против нее.

Корр.: Что, после всех трудностей во время съемок и «пробивания» к зрителям фильма «Плотина», побуждает вас вновь обратиться к теме разрушительной деятельности гидроэнергетиков?

Кузнецов: «Пробивания» — это мягко сказано. У нас ведь до сих пор существует система, по которой фильм, направленный против какого-либо ведомства, должен быть представлен на утверждение именно ему. Нетрудно догадаться, какое заключение дали Минэнерго и «Гидропроект». Спасло только вмешательство Академии наук СССР. Но и после выпуска фильма в журнал «Коммунист», например, поступило письмо с 909 подписями сотрудников «Гидропроекта» против «Плотины».

И все-таки победа нашего фильма не в международных премиях и широком прокате. А в том, что после него отказались от строительства ГЭС на Даугаве, не будет существовать чудовищный Ржевский гидроузел. В принятии таких решений есть и капля нашего содействия.

Однако судьба Туруханской ГЭС до сих пор туманна. После научной экспертизы технико-экономического обоснования (ТЭО) ее проекта, чтобы успокоить взбурдаженное общественное мнение, заявили, что строительство законсервировано. Ничего подобного! Просто рассматривается вариант снижения высоты плотины с 200 до 140 метров. Но такое решение в принципе ничего не изменит. Людей ввели в заблуждение и потихоньку продолжают свое дело.

Я убежден, что выход из подобных ситуаций только один: все экологические и экономические аспекты крупных проектов должны обсуждаться с общественностью. Но в случае с Туруханской станцией даже не эти аспекты, по-моему, главные. Ведь, образно говоря, под воду уйдет целый народ, Эвенкия практически будет затоплена. Голос протеста эвенков должен быть услышан.

В работе экспедиции «Юности» эвенкийский народ представлял писатель Алитет Немтушкин. Своей озабоченностью за судьбу родного народа, последовательной позицией в борьбе за его выживание он вызвал резкое недовольство руководящих работников... Эвенкии. Вот такой в общем-то не удаляющийся парадокс.

Немтушкин: В проекте абсолютно не была учтена национальная сторона вопроса. Жизненная основа эвенка — олень. Уйдет под воду земля, не станет олень, не станет и эвенка. Мы, как и другие малые народы, — дети природы. Пересели эвенка в другое место: чем он займется? Уже были примеры переселения эвенков. Оленей расстреляли, людей — в поселки. Но у охотников-то руки неумелые к другой работе, только на подхвате могут помочь в деле. И вот все они оказались с протянутой рукой возле магазина, где льется огненная вода. С 70-х по 80-е годы у нас на Севере не было естественных смертей, только по ЧП. Все льготы, привилегии деформировались в уродливые формы, пружин оказался куче кула.

Веками кочевал мой народ по долине Нижней Тунгуски, охотился, занимался пушным промыслом. И никогда среди эвенков вы не встретите браконьеров. Потому что мы всегда

жили за счет природы и лишнего, про запас, никогда не добывали. Сегодня, когда экологический кризис берет за горло человеческую цивилизацию, необходимо внимательно присмотреться к малым народам, поучиться у них жить в согласии с природой. Да одной прибавкой от пушнина и даров тайги, намеченной под затопление, можно многократно перекрыть стоимость Туруханской ГЭС.

Добавим к сказанному В. Кузнецовым и А. Немтушкиным, что в прошлом году были опубликованы такие данные: на территории Эвенкии открыто и разведано свыше двух десятков нефтяных и газовых месторождений. Использование их с лихвой покрывает потребности этой территории в электроэнергии. Или все-таки проще такие богатства тоже похоронить под водой?

Обратимся к мнению специалиста. Ю. Бендерский, как компетентный работник Института экономики СО АН СССР, принимал участие в научной экспертизе технико-экономического обоснования строительства станции. В результате анализа ТЭО было признано непригодным. Но вопрос о строительстве по-прежнему не снят.

Бендерский: Правительство поручило АН СССР (а она в свою очередь — Сибирскому отделению) провести эту экспертизу. Было выделено 400 тысяч рублей, чтобы эксперты морально и материально не зависели от отраслевиков. Большой сдвиг: раньше ведь такие работы оплачивали сами ведомства, нанимали тех, кто им выгоден.

Была экспедиция, проводилось много совещаний, настоящие схватки с представителями заинтересованных ведомств. И все-таки ТЭО мы отклонили. В проекте выделены четыре основных недостатка. Во-первых, не убеждают обоснования необходимости этого строительства. Не представлены альтернативные решения. Вложить десяток миллиардов рублей в станцию, которая даст энергию лишь через 20—25 лет? Но, позвольте, наука не стоит на месте: к тому времени могут быть уже совсем другие источники энергии. Не разумнее ли вложить эти средства в создание энергосберегающих технологий? Второе возражение — край не справится с таким объектом. Потребности в строительстве огромные, мы задвигаемся без необходимых мощностей, но все придется законсервировать, а технику с материалами бросить под Полярный круг. (Напомним читателям про поселки Индустриальный и Нахаловку, про крайне острую жилищную проблему в Красноярске и регионе.) Все министерства хотят внедриться в богатую сырьем Сибирь, даже если продукция их предприятий не найдет потом спроса. Но сегодня эта экспансия все более затрудняется: Иркутская область и даже Дальний Восток, еще недавно связывавший свою социальную судьбу с индустриальным развитием, отказываются от строительства ненужных и опасных объектов. Пора одуматься и в Красноярском крае.

Третий важный аспект — отсутствие прогнозирования последствий для природной среды. Нет гарантий, что новая станция не обернется еще одной экологической катастрофой.

И последнее — в проекте совершенно не учтены социальные аспекты, не решены национальные проблемы. Давайте, прежде чем строить, разберемся все-таки в принципиальных вопросах: нужны ли нам новые энергетические мощности, и если нужны, то сколько? И сравним затраты на них со средствами, необходимыми для развития энергосбережения.

Разговор наш с Виктором Петровичем Астафьевым начинался трудно. Стоило произнести слово «природа», и, показалось, ковырнули мы засохшую и неизлечимую рану в душе писателя. Сколько сил, здоровья и времени отобрано у творчества, чтобы донести до людей вечную, но забытую в суетливой неустроянности истину: губя природу, человек убивает душу свою.

— Устал. Махнул я на все это рукой, — и Виктор Петрович, зажмурив раненный на войне глаз, и впрямь махнул своей полной еще сил рукой куда-то в угол кухни. — Налегайте вот на соленые грибочки. Хоть они еще в тайге родятся. — Покрошил лук в грибы. Улыбнулся. — Разных дискуссий я уже много пережил. А ничего путного в общем-то не произошло после них. Никакого оптимизма насчет будущего природы нашей не приобрел. Не очень я надеюсь на слова наши. Только действие, совместное действие может приостановить нашествие безобразников, врагов наших. Ибо то, что я видел на Урале и в Сибири, могли сделать только страшные враги нашей Родины. Надо нам всем подумать: каким

образом объединить свои усилия? Не для эмоциональных разгрузок, а для дела. Чтобы защитить край, пока еще не поздно.

И из рассуждений за «круглым столом» по проблемам экологии в редакции альманаха «Енисей» видно, что писатель не собирается опускать руки. Человек, постоянно чувствующий не выдуманную, а живую боль, никогда к ней не притерпит, не смирится.

— После войны почти двадцать пять лет прожил на Урале. Приехал, когда природа была еще почти нетронутая, великолепная, совершенно потрясающая по красоте. И вот на моих глазах она была уничтожена. И все время ее защищали, все защищали... Я сам в защиту леса, кедров выступил еще в 1953 году. Наступление на уральские леса шло страшное. Закачивали в одной области — все силы пересбрасывали в другую. Сейчас там леса остались только на севере Пермской области. Дальше — тундра.

Положение, по моим наблюдениям, в Красноярском крае сегодня примерно такое, как было на Урале в пятидесятых годах. Там теперь спасать нечего, но здесь-то еще многое можно сделать, чтобы уберечь природу. Посчастливилось мне побывать в Эвенкии. И когда поднимался там на вертолете, я видел огромный, еще не потревоженный край. Смотрел я на эти чистые реки, на этот рдсенький, не очень сильный, но нетронутый лес, невольно вспоминал великого Чехова, который восклицал: какая бурная жизнь расцветет на этих берегах! И вдруг подумал: хоть бы сюда-то, в Эвенкию, эта жизнь не доходила! Хоть бы этот край сохранился для наших детей и внуков...

Плыл я как-то по реке Абакан и увидел невероятное количество островов. Вдруг из одного, как пушки дымные после боя, торчат стволы недогорелых кедров. Острова-то, оказывается, из деревьев сложились, при сплаве брошенных. На них наталкивает река камыши, мусор, начинает тальник расти. Потом узнал: каждое второе из срубленных деревьев в крае не используется никак. А пока мы здесь с вами разговариваем, на притоках Абакана трелюют лес прямо по руслам рек мощными тракторами. Идет такой мастодонт по малой речке — и все губит. Еще в конце шестидесятых объявили, что решено прекратить молевой сплав по рекам. А посмотрите на берега Енисея: просвета нет, выброшенные бревна лежат. Красавица-река Мана гниет. Дно ее в несколько рядов устелено утопленным лесом.

Енисей и Ангару губят при всех нас. При нашем глухом невнятном молчании или личном участии. Признаюсь, и я был одним из тех юных идиотов, к несчастью, умеющих писать в газету, кто сочинил в свое время несколько «ударных» репортажей о строительстве самой мощной в мире Красноярской ГЭС. За высотой плотины, наглухо перегородившей Енисей, не видели мы высоту рожденных ею проблем. Я увидел их позже. Рыба буром перла на бетонную плотину, билась об нее, ей надо было в верховья, на перест. Часть осетров и тайменей, сигов и стерлядок погибала. У других икра после тщетных попыток пробиться вверх, перерождалась в жир, и рыба напрочь теряла способность к размножению. И резко оскудел рыбный стол красноярцев после сотворения первой на Енисее суперГЭС. А браконьеры ликовали. Обманывая и подкупая сотрудников рыбоохраны, они центнерами вычерпывали беспомощных, беззащитных рыб из-под носка плотины. Настоящие рыбаки плакали — по всему Енисею.

Возвращаясь к проблемам сибирского леса, затронутым Виктором Астафьевым, приведу и такие факты, собранные нашей экспедицией: по результатам аэрофотосъемки водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС установлено, что около 12 квадратных километров его площади покрыто плавающими брошенными бревнами, то есть нашими с вами деньгами, ибо количество этой древесины — более миллиона кубометров. И это только в одном водохранилище. Повсеместное истребление кедровых лесов, которые являются главным распределителем влаги в водостоках рек, приводит к опустошительным наводнениям, как только наступает жара в горах. Огромные валы ничем не сдерживаемой воды устремляются вниз, сметая на своем пути нижние склады леспромпхозов, совхозные фермы, постройки, лодки, зазевавшихся животных. Ущерб от наводнений исчисляется миллионами рублей и значительно превышает стоимость заготовленной в горах древесины.

Такие наводнения, а также сбросы ГЭС в половодье смывают с берегов и выносят в Карское море огромное количе-

ство древесины, где ее бойко и заботливо вылавливают специальные суда иностранных фирм. Видимо, долго еще она не останется без работы. Потом этот лес вернется к нам в виде бумаги, целлюлозы, мебели. За валюту, конечно. Хоть какая-то компенсация та уничтоженную нашу тайгу.

Профессор Д. Владышевский, ведущий научный сотрудник Института леса и древесины СО АН СССР, озвучивает нас с таким научным прогнозом.

Владышевский: Если не изменить методы эксплуатации лесных запасов Красноярского края, то древесины здесь хватит всего на 35 лет. Но уж тогда не будет ничего — ни деревьев. Ресурсы истощатся. Если так пойдет и дальше... Хотя, знаете, у меня нет оснований верить, что в ближайшем будущем что-либо изменится, потому что я не вижу пока, откуда взять средства, чтобы залатать в одночасье все дыры нашей экономики и социальной сферы. Как сказала Индира Ганди, среда не может быть улучшена в условиях нищеты. Мы недодаем средства для нормального медицинского обслуживания, народного образования, социального обеспечения, перекачивая их в промышленность. Но нынешние принципы ее деятельности делают нас лишь еще беднее.

Корр.: Какой выход из сложившейся экологической ситуации вы видите?

Владышевский: Я вижу только два направления: по одному пытаются сейчас идти некоторые регионы, другое кажется пока утопией, но оно единственное, не ведущее в тупик. Под первым я подразумеваю локально-эгоистический вариант. Это — кричать как можно громче, чтобы из скудного госбюджета выделили именно, например, нашему краю средства на улучшение экологической обстановки. Но в государственном масштабе это на самом деле не выход из положения, потому что тут же в другом месте появится зияющая дыра, раздастся такой же громкий крик. В конце концов такое «перетягивание одеяла» — это новые удары по экономике, развал системы. Реальный выход — в экологизации сознания всего населения. Наука уже начинает бить тревогу, но пока это, к сожалению, не доходит до сознания людей. Наш народ так часто обманывался наукой, что ей перестали верить, тем более, что людям свойственно не замечать плохое, если оно непосредственно их не затрагивает. Но мы без тормозов катимся в пропасть катастрофы, и это, как ни странно, ускоряет прозрение, лишь бы было слишком поздно. Ведь бурные процессы экологизации мышления, которые мы наблюдаем в развитых странах, тоже брали начало в кризисных экологических ситуациях. Но нам, к сожалению, свойственно все кризисы доводить до предела, до абсурда... Так вот, видимо, нам суждено пережить такую паническую общественную тревогу, после которой в сознании людей станет позорной любая форма небрежения к природным ресурсам, к здоровью, воде, воздуху. Так что недалеко тот час, когда станет постыдным ехать в машине со шлейфом дыма. Такую машину могут остановить: вытаскать и, возможно, отлучивать водителя. Вот когда такое произойдет в первый раз, это будет радостное событие, хотя, может быть, и звучит странно. Пока же не произойдут такие сдвиги в сознании людей, мы не вправе уповать ни на руководителей любого звена, ни на совесть рабочих, которые открывают вентиля и заслонки, выбрасывая в природу отравляющие вещества.

Ну что же, мнение Д. Владышевского близко и нам. Но, видимо, не испило еще до конца население края свою экологическую чашу. Не о всех богатствах Красноярья, обернувшихся для людей бедой, мы еще рассказали.

В регионе обнаружены огромные запасы бурого угля — 600 миллиардов тонн. Если даже представить невероятное, что будут добывать здесь по миллиарду тонн в год, то его хватит на шесть столетий. И потянулись к лакомому куску министерства и ведомства. Возник КАТЭК — Канско-Ачинский топливно-энергетический комбинат. И вновь — разудалось плечо — решили здесь строить восемь мощнейших в мире (иначе не умес!) ГРЭС. Уже гонят в небо окислы серы и азота, углекислый газ и другие химические элементы Назаровская и Березовская ГРЭС, сооружают рядом Березовскую ГРЭС-2, готовятся строить еще одну.

Только вот ведь незадача: гидробогатства края распределены по территории очень неравномерно, и именно в районе КАТЭКа воды крайне мало. ГРЭС, работая без очистки, уже отравили реки Чулым, Ужур, Серег; из-за деятельности угольных разрезов из древесных колодцев кое-где ушла

вода, питьевую воду в некоторые районы завозят в цистернах. Критическое состояние водоемов региона КАТЭКа уже ставит под сомнение обещанные энергетическими ведомствами их зарыбление. А в некогда кристально чистом Чулыме не то что чистолобивого хариуса, но и сорной рыбы теперь не наловишь. Однако проектировщики из Росгипроводхоза, разработав «Схему комплексного использования и охраны водных ресурсов бассейна реки Чулым», как водится, не запланировали никаких мероприятий по очистке и сбережению местной воды, а настаивают... на переброске в район КАТЭКа части стока реки Енисей. Как видим, опять им показалось проще зарыть под могучими трубопроводами и насосными станциями десятки миллионов народных денег, чем на серьезной научной основе разработать мероприятия по сбережению природных богатств. Хотя такая переброска не только не улучшит положения с качеством воды на КАТЭКе, но и отразится на качестве воды в районе города Красноярска: Енисей там едва справляется с разбавлением промышленных стоков.

Кандидат физико-математических наук А. Болсуновский, руководитель экоцентра в Красноярске, председатель Совета молодых ученых при крайкоме ВЛКСМ, реально оценивает ситуацию в зоне энергокомплекса.

Болсуновский: Создание КАТЭКа породило ряд тяжелых проблем. Прежде всего это вывод из сельхозоборота огромных земельных площадей: добыча угля ведется открытым способом. Воздух всей зоны перенасыщен пылью, не говоря уже о продуктах работы ГРЭС. Специалисты азиатских государств сделали расчеты возможных экологических последствий этого комплекса, и оказалось, что и по воздуху, и по воде загрязнения обрушатся и на них. Понятно, что они в тревоге.

Воды уже сейчас не хватает, и она очень грязная. Только на охлаждение котлов требуется огромное ее количество. Нам обещают, что вода перейдет на замкнутый цикл. Но тогда она будет нагреваться в водоемах-охладителях до 40 градусов, начнется повышенное испарение. Но несмотря на то, что недостаток водных ресурсов является лимитирующим фактором развития комплекса, не смогли сберечь и то, что было. Дело в том, что район перенасыщен торфом. Прежде чем строить водоемы, его надо было убрать, вывезти. Но прислушались к «умному» заключению, что торф не всплывает, а экономия выйдет большая. Но торф всплыл и продолжает всплывать. А он перенасыщен органикой, она оседает на котлах. Вода стала непригодной. Наняли катера и бригады рабочих, которые растаскивают этот торф от водозаборов. Но он всплывает неравномерно. В одной части водоема его оказалось поменьше. Тогда решили отсечь дамбой более чистый участок и обратились к ученым с заданием выдать прогноз качества воды. Мы дали заключение, что дамбу строить не надо — она обойдется в миллионы рублей, а вода все равно будет некачественной. И тут узнаем, что ведомство «с торфом все решили»: будут строить дамбу! Она положения не спасет, зато видом деятельности можно успокоить общественность, ведь на строительство уйдет несколько лет. А там, мол, видно будет...

Я считаю, что ученые должны прежде всего вооружить народ знаниями. Только тогда он сможет эффективно воздействовать на власть. Как-то после моего выступления в одном из районов КАТЭКа ко мне прибежали из райкома партии и говорят: «Что вы делаете, они ведь теперь разнесут все двери...» Руководители привыкли к безответственности и не понимают, что, если двери устоят сегодня, завтра варяг будет уже непредсказуемым.

Благочинный церковью Красноярского края протонерей отец Сергей встретил нас в храме. Честно признаться, мы не ожидали, что самое высокое положение в религиозной жизни края занимает такой молодой еще человек. В предшествовавших встрече телефонных разговорах отец Сергей сразу проявил готовность к беседе: «Состояние природы и здоровья людей очень тревожит церковь...»

Отец Сергей: Мы внимательно читаем ваш журнал. Рад, что «Юность» обратилась к столь важной проблеме и решила узнать наше мнение о ней.

Отец Сергей пригласил пройти в свой кабинет. Минув церковный двор, он дал кому-то несколько хозяйственных распоряжений. Обращения «матушка», «батюшка», несуетное общение уважающих друг друга людей, объединенных

общей верой, делом... Какой же издерганной, хлопотной и крикливой показалась отсюда жизнь дымного, пораженного проблемами города, окружающего кольцом церковный холм.

В кабинете нас ожидали настоятели некоторых из многочисленных церквей края. Тоже люди отнюдь не пожилые. Бросилось в глаза обилие бумаг на письменном столе и книги, книги. В сосредоточенной тишине начался наш разговор о вещах столь тревожных.

Отец Сергей: Не Богом было сказано: человек, бери от природы все, что можешь. Глядя на то, что сотворили люди с природой, как не напоминать без устали: мы не творцы, а создания ее. Библейское учение обращает нас к тому, что природа страдает и жаждет того момента, когда сможет вернуться в то уравновешенное состояние, в котором была создана. И пришел страх за содеянное. Большинство людей в Красноярске живут в страхе перед валом воды, который может обрушиться через плотину. И не только в Красноярске. Вот отец Геннадий, по образованию физик, настоятель самого северного нашего прихода в городе Енисейске, может сказать, боятся ли его прихожане, что массы воды, которые, не дай Бог, прорвутся через плотины Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС, дойдут до них и затопят тринадцатый город-музей у нас в стране.

Отец Геннадий: В этом году был повышенный сброс воды через плотины, и в Енисейске это было очень заметно, несмотря на большую его удаленность. Но мне кажется, что разговор наш об экологии может быть развит в двух направлениях. Одно — более реальное, однако, на наш взгляд, совершенно бесперспективное. Другое — с великими перспективами, но недостаточно еще людьми осознанное.

По первому направлению мы пытаемся лечить природу, как смертельно больного человека: не в состоянии остановить процессы разрушения, мы даем лекарства, чтобы больной забылся. Каждый раз решаем какую-то конкретную проблему, не ведая состояния организма в целом.

Природа — творение Божие, и по Божественному замыслу человек должен быть в ней владыкой. Но как? Воздействие было определено по треугольнику: человек — Бог — природа. Опосредованно. Как только человек стал действовать на природу напрямую, минуя Бога, цивилизация стала врагом всего живого, в принципе. Вот укротитель действует непосредственно — он укрощает зверя. А Серафим Саровский не укрощал медведя, с которым мирно жил. Или св. Франциск — волка. Их действия были благодатными, потому что в них была любовь, — от Бога, через Бога. А разве нынешний ученый любит тот электрон, который изучает? Он вовсе не питает любви к объекту, на который воздействует. Решает одну проблему, тут же порождая этим еще более сложную.

Святые шли ко всему именно через любовь, она просветляла их разум, вела к познанию мира. А сегодняшняя наша цивилизация — это, по-библейски, Вавилонская башня, которую человечество строит во славу свою. И чем она выше, тем больше страдает природа. Я не призываю вернуться к сохе, процесс развития необратим. Но только когда ученые начнут решать свои отношения через любовь, только тогда энергия будет извлекаться без вреда всему сущему. Вот по этому пути, на котором крестьянин был просто не в состоянии губить природу из-за любви к ней, мы и должны идти.

В этом материале не представлена важнейшая, пожалуй, сила, способная в корне изменить экологическую ситуацию как в Красноярском крае, так и в стране, — общественность. Мы сочли целесообразным подготовить отдельную статью, в которой будут проанализированы состояние уже действующих самостоятельных общественных экологических организаций, их проблемы, направления и достижения в регионах, где проводилась экспедиция «Юности». Такие объединения испытывают неослабевающее, порой драматичное давление со стороны бюрократического аппарата, но именно в них вызревают процессы, которые будут определять общее оздоровление и отдаление от экологической пропасти.

Но прежде чем конкретными решениями и делами ответить на вопрос: «что делать?», надо все-таки определить — «кто виноват?».

Красноярский край

Попечители экспедиции: московские кооперативы «Саян-Новая», «Фархад», «Белка».